

Игорь Шестков "Загадочный сосед"

ЗАГАДОЧНЫЙ СОСЕД

Пересматривал недавно один из моих любимых фильмов семидесятых – «Призрак свободы» Луиса Бунюэля, смонтированный по принципу свободной эстафеты. Герой несет какое-то время эстафетную палочку действия, но в определенный, одному режиссеру ведомый момент, передает ее другому персонажу. Действие не разветвляется, а как бы уходит в невидимый беззвучный слой, из его оставленной почки образуется однако новый сюжет, новая коллизия – и так много раз. Никакого вымученного катарсиса, только здоровый партеногенез.

Такое построение художественного фильма не подражает нашей памяти, этому упрямому ослу, или тянущему нас как бурлак вспять, назад, в детство, к рождению и времени до него, или безуспешно пытающемуся сложить из осколков прошлого разноцветную причинно-следственную пирамидку, а имитирует реальную жизнь, постоянно отбрасывающую шелуху прошлого и выталкивающую нас сквозь коротенький туннель настоящего в будущее. Из сладкого мира мертвых грез – в печь реальности.

Досмотрел до скандальной сцены в отеле. Жан Бернанс, которого играет великолепный актер-медведь Мишель Лонсдаль, приглашает молодого человека, приехавшего в этот уютный провинциальный отель с собственной тетей для того, чтобы насладиться с ней любовью, странную, весьма сексапильную медсестру и четырех удивительно для своего звания разговорчивых монахов-кармелитов (один из них рассказывает о врожденном сифилисе, которым якобы страдала одна из знаменитых преобразовательниц ордена кармелиток святая Тереза, которую так издевательски изобразил на своем известном рисунке Фелисьен Ропс), любителей сигарет и покера – на рюмочку портвейна в свой номер. Монахи, медсестра и страстный племянник (его тетя, женщина среднего возраста, которой воображение ее племянника и власть демиурга-режиссера дарят тело молодой девушки, лежит в этот момент нагая в постели в соседнем

номере и ждет сына своей сестры, изнемогая от борьбы совести со страстью) увлечены беседой и портвейном, а мосье Бернанс быстренько переодевается в соседней комнате. Надевает элегантный бордовый костюм, пиджак и брюки которого, увы не прикрывают голую его и розовой как чайные розы, которыми украшают свои подвенечные платья невесты, задницы. Он и его подруга, роковая женщина, мадемуазель Розенблюм в роскошном темном халате поверх кожаного белья и черных колготок, выходят из туалетной комнаты и занимают боевую садо-мазо позицию среди милой компании, пьющей портвейн. Жестокая красавица домина начинает хлестать своего дружка тяжелым похрустывающим и посвистывающим хлыстом. Монахи, молодой человек и медсестра в недоумении вытаращивают глаза. Господину Бернансу это очень нравится, и он кричит сладострастно прерывающимся голосом: Бей, бей меня крепко, ты, старая блядь! Сильнее лупи, сука! Сильнее! Потому что я – свинья, дерьмо, грязь! Бей меня! Пори! Еще! Еще!

Зрители в смятении покидают номер господина Бернанса. Старого монаха-кармелита эта сцена доводит до нервного припадка. Он восклицает в сердцах: Он хочет кнута? Ну так дайте ему кнута! Пусть он получит, чего хочет!

В этот момент я остановил фильм.

Потому что вспомнил, что нечто подобное произошло и со мной, в восьмидесятых, в Москве, в Ясенево. Не в отеле, конечно, а в кооперативной квартире. Я по молодости и не подозревал, что добровольное унижение на публике, побои, боль и прочие ужасы могут служить сексуальным возбудителем и для жертвы, и для палача, и для публики. Поэтому то, что произошло тогда на моих глазах, глубоко поразило меня и возможно даже повлияло на мою сексуальную жизнь. Увы, не так, как вы думаете, мои любезные читатели.

Ровнешенько наоборот! Мне отвратительно любое насилие – будь то сексуальные утехы или воспитательная порка детей, жестокие избиения на московских улицах, терроризм всяческих «борцов за свободу» или всевозможные массовые и одиночные убийства, совершаемые солдатами стран «социалистического лагеря» или «развитыми демократиями» ради каких-то очередных гнусных целей.

...

Собралась соседская компашка. Повода не помню. Сидели мы в моей единственной комнате кто на чем. Обсуждали что-то. Пили самогон «Лунная соната» – романтическое произведение физика Семиконечного, первач, настоенный на Золотом корне, который Семиконечный привез из командировки на секретный объект – станцию дальнего предупреждения на Алтае. Сейчас эта станция заброшена. Окрестные пятиэтажки давно покинуты людьми. В квартирах «белки серут», на крышах деревья растут и вороны ходят. Стоит себе посреди тайги этот монумент былого советского могущества, пугает медведей и лосей.

Семиконечный уверял нас, что настойка помогает при маточных кровотечениях и расстройствах вегетативной нервной системы, само существование которых, оспаривается впрочем европейской медицинской наукой. Ему никто не возражал.

...

В этой неблагоприятной истории мне суждено было сыграть роль наивного племянника, хотя меня и не ждала в соседней комнате обнаженная тетка (даже не представляю себе, на сколько кусочков разорвала бы меня моя тетя Раиса, если бы – чем черт не шутит – я предложил бы ей вступить со мной в кровосмесительную связь).

Меня вообще тогда никто нигде не ждал.

Через неделю после развода с женой мне исполнилось ровно тридцать три с половиной года. Для мужчины это полуденный час жизни. Торжественный и страшный момент. Слепящее светило как будто замирает и долго-долго мреет, слегка подрагивая, в зените жизненного дня, в точке максимального безумия. Затем оно начинает неумолимо скатываться по стеклянной сфере вниз и тащит нас за собой – туда, за темно-фиолетовый горизонт, в черное брюхо несуществования.

Никто не ждал, не звонил, не писал писем.

Работу я уже бросил, собирался и родину покинуть, но все никак не мог решиться и висел себе в предэмигрантской прострации где-то между небом и землей.

Некоторые висят так годы, а иные – и всю жизнь.

...

Роль монахов и медсестры в этой безобразной сцене исполнили персонажи моего рассказа «Улыбка гопи». Несмотря на краткость этого повествования я так устал тогда, во время писанины, от всовывания в фразы – как полусгоревшие спички в коробок – их спичечных качеств, речей и поступков, что снова брать на себя труд и ответственность за их мелко-бесные существования и описывать их категорически отказываюсь. Кому охота познакомиться с ними – перечитайте рассказ.

Роли госпожи Розенблюм и мосье Бернанса сыграли – загадочный сосед и его красивая, большая, неуклюжая и по-видимому психически больная жена.

...

Вот, сидим мы и самогонку дуем. Ощущаем как по жилам растекается «Лунная соната». Кайф! Там-та-там, там-та-там. И тут звонок. Открываю. На пороге мнется дородный мужчина. Загадочный сосед. Приглашает нас всех к себе распить с ним и его женой несколько бутылок портвейна «Тамплиер». Обещает на закуску – орешки и темный шоколад.

Мы народ не гордый. После «Лунной сонаты» можно хлебнуть и серной кислоты, не то что благородной рубиновой жидкости не из наших краев. А вкус орехов и шоколада мы уже к тому времени и вовсе позабыли. Пошли к соседу. Расселись в дорогих старинных креслах. На спинках кресел были инкрустации – какие-то затейливые птицы, итальянский дворик, человеческая рука, всевидящее око, циркуль и адамова голова...

Сосед подал охлажденный портвейн. В крупных богемских бокалах-тюльпанах. Поставил пластинку. Бах. Ванда Ландовска. Мы разомлели. Я пил «Тамплиер» маленькими глотками, черный шоколад раскрошил как смог мелко и клал под язык крохотные осколки лакомства – хотел продлить блаженство.

В комнату вошла жена загадочного соседа. Он представил ее публике.

– Ирма Грезе.

Ирма предстала перед нами в платье из темного прозрачного шелка. Под платьем ничего не было. В руке у Ирмы я заметил предмет, который вначале принял за поясок. Это был кнут.

...

Загадочный сосед уже давно привлекал внимание жителей нашего подъезда. Огромный, блондинистый, с прекрасной шевелюрой, сосед сиял как Юпитер яблочным румянцем на свободных от окладистой рыжей бороды, усов и бакенбардов щеках. Большой, симпатичный, уверенный в себе человек. Одно в нем было неприятно – узенькие глазки с белесыми зрачками. Ходил он в наш универсам не с авоськой, как все, а с плетеной корзинкой, очевидно несоветского происхождения. Гулял под руку с женой. В одной руке – жена, в другой – корзинка. Иногда отстранялся от нее, ставил корзинку на ясеневский грязный снег и декламировал ей какие-то вирши. Однажды я расслышал несколько слов.

– У лилий белизна твоей руки, Твой темный локон – в почках майорана.

Из квартиры загадочного соседа доносилась музыка. Чаще всего – клавесин и флейта. Музыкант?

Помню, при первой случайной – нос в нос – встрече в подъезде посмотрел на соседа и подумал как Берлиоз: Прибалт? Швед? Немец?

Весь белобрысый, а борода рыжая, холеная. Может быть, курляндский шпион? Чухонский викинг? Карело-финский атташе?

Загадочный сосед представился так.

– Валерий Виткевич, доцент, читаю лекции от Всероссийского общества слепых. Говорил он с легкой, как мне вначале показалось, картавостью. Тут же до меня дошло – не картавость это, а акцент. Чех, что ли?

– Женился на сокурснице-москвичке и остался в СССР навсегда. До этого жил в Гданьске. А еще до этого – в Бремене.

Бременский музыкант!

– Какого же лешего вы цивилизованный мир оставили? Ганзейский союз, Солидарность, Валенса, верфи. Про свободный город Бремен я уж и не говорю. Заоблачные высоты. Петух на коте.

– Для вас высоты, а для моих родителей, этнических поляков – ад на земле. А по Гданьску скучаю конечно. Чудесный город. Родина Шопенгаура. Фонтан Нептуна. Страшный суд.

– И в Гданьске тоже?

Сосед приложил длинный пухлый наманикюренный палец к красным губам.

Сделал мне знак, чтобы я подождал. Зашел к себе в квартиру, захлопнув у меня перед носом дверь. Я успел разглядеть фигуру его жены, обмотанную как мумия какими-то бежевыми тряпками с живописными разводами. Тряпки далеко не везде покрывали розовую, лоснящуюся, трясущуюся плоть. Фигура метнулась в сторону и исчезла еще до того, как закрылась дверь.

Виткевич появился через минуту с большой заграничной книжкой в руках.

Осторожно открыл ее и показал мне репродукцию.

– Вот, ознакомьтесь. Триптих Мемлинга. Это то самое, против чего я агитирую.

От этой картины у меня в памяти остался только энергичный мохнатый черт, подцепивший багром монаха или священника. Огромные глаза дьявола напомнили мне расширенные базедовой болезнью глаза нашей учительницы биологички Берты Исааковны.

За эти выпученные и вечно воспаленные глаза школьники дразнили Берту Исааковну «дрозофилой». Дрозофила обожала организовывать вылазки на природу с палатками и пионерскими кострами, которые называла «полевыми исследованиями подмосковной фауны и флоры».

В деревне Павичи на реке Пугре, на берегу которой Дрозофила разбивала обычно наш палаточный лагерь произошла однажды ужасная история, о которой даже сообщила всемирная служба Бибиси. Алексей Максимович Берг назвал этот прискорбный инцидент «примером моральной деградации советской деревни», жадно смаковал душераздирающие подробности, вспоминал не к месту химическую войну, развязанную Тухачевским против крестьян на соседней Тамбовщине.

Помню, подъехал милиционер на запыленном мотоцикле с коляской. Вызвал Дрозофилу, пошептал ей на ухо и уехал. Дрозофила побледнела и схватилась за сердце. Послала меня и еще двух дневальных разыскивать и собирать детей для срочного отъезда в Москву.

Стояла редкая для конца августа влажная жара. Парило. Возможно это как-то повлияло на распоясавшихся злодеев. Или в водку попали какие-то особые, возбуждающие садистские наклонности яды?

Как еще можно объяснить случившиеся ужасы? Людоедство еще можно с натяжкой объяснить вечным советским недоеданием, дефицитом жиров и

углеводов. Но принуждение к копрофагии? Асфиксиофилия? Салиромания? Судьба изредка бывает благосклонной. Ни школьники, ни Дрозофила, ни сопровождающий ее во всех экспедициях, ночующий почему-то всегда с ней в одной палатке долговязый географ Рожков, многодетный отец и страстный любитель утренней рыбалки, не пострадали.

Заболоченные леса кишели ящерицами, тритонами и лягушками. Нудная биологиня заставляла нас собирать растения для школьного гербария и ловить насекомых для коллекции. Девочки терпеливо искали листики и цветочки, географ Рожков невозмутимо удил плотву на поросшем камышами берегу Пугры, а мальчики, вместо того, чтобы гоняться за бабочками с сачками в руках, убегали к ближайшему пруду. Ловили там лягушек и жаб, надували их через травинки и «плющили» о деревья. И радостно смеялись когда раздавался хлопок...